

von Bayreuth), Жана Летурнера (Jean Letourneur, Versorius, ум. ок. 1480), Ламберта из Монте (Lambertus de Monte, ум. в 1499); а также сторонника Альберта Великого — Герарда Хардервика (Gerard Harderwysk, ум. в 1503) и многочисленных сторонников Дунса Скота — таких, например, как Николай из Орбелла (Nicolaus de Orbellis, ум. в 1455), Петр Тартарет (Petras Tartaretus, ректор Парижского университета в 1494 г.), Иоанн из Магистриса (Johannes de Magistris) и др.; к комментаторам сочинений Петра Испанского можно причислить также номиналистов Марсилия Ингенского и Жана Буридана. Подобное разнообразие комментаторов мешает принять соблазнительную гипотезу о том, что диалектический пробабиллизм (идея вероятности) парижских логиков был одной из причин — причем некоторые утверждают, что главной, — философского пробабиллизма XIV столетия.

Во всяком случае примечательно то, что в произведении Петра Испанского следствием принципиально диалектического характера логики ничуть не стал ни философский пробабиллизм, ни скептицизм в собственном смысле слова. Ведь Петр был просто логиком. Он работал в то время, когда любой магистр искусств должен был владеть, помимо логики, всей философией Аристотеля. Даже после Петра некоторые профессора продолжали специализироваться на преподавании логики и риторики, но самые знаменитые старались расширить сферу преподавания за счет комментариев к физике, психологии, метафизике и этике. Самому Петру Испанскому, помимо «Summulae logicales» и «Синкатегорем», принадлежат комментарии к книгам «О животных», «О смерти и жизни», «О причинах продолжительности и краткости жизни» и «О душе». Его предпочтение в отношении такого рода трактатов объясняется естественным образом, этот логик был одновременно врачом. Впрочем, главное произведение Петра Испанского — это трактат «О душе», отличающийся от его комментария к одноименной

книге Аристотеля. Он страстно желал его выхода в свет. Из опубликованных фрагментов этого трактата, написанного стилем, свободным от всяких учено-школярских форм, без цитат из Аристотеля, Авиценны или Аверроэса, ясно следует, что в нем в качестве теории познания проповедуется «замечательный синкретизм августиновского учения о просветлении и авиценновской теории эманации и интеллигенции» (М. Грабман). Значит, в XIII веке можно было придерживаться подобных воззрений и стать папой. Но они, конечно, ничем не напоминают номинализм Оккама, и трудно удержаться от вопроса: случайно ли в тот самый год, когда умер папа, чьи философские взгляды благоприятствовали августинизму с примесью идей Авиценны (1277), томистский аристотелизм подвергся цензуре парижского епископа Этьена Тампье?

Начиная с середины XIII века, хотя и встречаются еще магистры, занимающиеся главным образом логикой, — такие, как Николай Парижский, который дважды, в 1253 и 1263 гг., упоминается в «Chartularium Universitatis Parisiensis»*, или Аденульф из Ананьи (ум. в 1289), автор трактата о «Топике», — появляются другие магистры, чья любознательность распространяется далеко за пределы подобных исследований. Вероятное иногда верно, но это не тот случай. Нередко люди воображают себе парижских теологов, обеспокоенных философским уровнем своих коллег на факультете искусств и бегущих за ними, чтобы кого-нибудь поймать в свои сети. Все происходило с точностью наоборот. Теология Гильома из Оверни, Гильома Оксеррского и Филиппа Канцлера свидетельствует о таком знании новых доктрин и такой широте взглядов в дискуссиях по философским проблемам, которые оставляли далеко позади скромные достижения парижских логиков. Но это не